

Илья Георгиевич Шаблинский

Об идеологическом обосновании контрреформы в России

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

консерватизм, контрреформа, правящая группа, идеологема

О смыслах контрреформы

Со вторым президентским сроком В. Путина (2004–2008 гг.) оказались связаны некоторые новые идеологемы, происходившие из недр президентской Администрации, и намекавшие на разрыв с целями конституционной реформы. Примерно в этот период политтехнологи и специалисты по рекламе из ближайшего окружения главы государства почувствовали необходимость специального пропагандистского обоснования некоторых произошедших и запланированных изменений политического режима – обоснования контрреформы.

Термин «контрреформа» известен российским историкам: чаще всего он использовался по отношению к политике российской власти, осуществлявшейся в течение примерно двух десятилетий, последовавших за периодом реформ. Таким образом, как «контрреформу» обозначают основной вектор политики Александра III.

В данном случае мы подразумеваем ряд мер, направленных на цели, противоположные целям конституционной реформы начала 1990-х годов. Нужно подчеркнуть, что речь идет именно о фактическом изменении положения, ставшего результатом указанной реформы. С формальной точки зрения эта смена целей, отказ от прежнего вектора почти никак и нигде обозначены не были: В. Путин в эту пору – в 2000 – 2004 гг. нередко подчеркивал свою

приверженность демократии и настаивал на незыблемости Конституции. Но все же это был именно отказ от политической конкуренции в пользу монополии одной группы на власть, от разделения властей в пользу сосредоточения всей власти в одном органе, а точнее в одних руках, от независимости судов в пользу их подчинения исполнительной власти, от свободы массовой информации в пользу жесткого контроля государства за крупнейшими СМИ. В самые первые годы нового столетия (и нового президентства) данные смыслы еще не были вполне ясны. Но вскоре все прояснилось.

С 2001 по 2008 г. второму Президенту удалось фактически изменить ряд важных институтов, действуя с помощью законодательства. Был введен новый порядок формирования Совета Федерации, фактически поставивший его под контроль президентской Администрации. Был установлен новый порядок назначения аудиторов Счетной палаты, позволявший наполнять ее людьми, полностью лояльными главе государства. Были отменены прямые выборы губернаторов, изменены правовые основы избирательной и партийной систем, что обеспечило доминирование определенного политического бренда и т.п. Был уточнен порядок назначения федеральных судей – включая председателей и заместителей председателей судов, ставших полноценными начальниками в своих ведомствах, плотно зависимыми, впрочем, от административной власти. Из мер, *не связанных с законодательством*, нужно упомянуть установление контроля правящей группы над крупнейшими телекомпаниями.

Таким образом, курс на отмену реальной политической конкуренции и установление монополии на власть вполне обозначился и уже требовал постановки очередных задач. Как бы мы могли сегодня определить эти задачи – или даже шире – сверхзадачу президентства Владимира Путина? Увы, придется сделать вывод, удручающий своей банальностью. Речь должна была идти о максимальном наращении объема власти, сосредоточенной в одних руках, *как самоцели*. Адаптация всех основных политических институтов происходила в целях удобства первого лица и правящей группы. Все прочие цели (в том числе и связанные с получением определенных экономических выгод членами правящей группы) оказывались производными по отношению к этой главной. И она потребовала идеологического обеспечения.

Наибольшую известность в этот период получило словосочетание «суверенная демократия», которое и должно было, вероятно, обозначать это новое состояние политического режима. Суть этой разновидности «демократии», как можно было понять, состояла в том, что для ее функционирования отбирались институты и средства, отвечавшие интересам правящей группы – *которые приравнивались к национальным интересам*. Подчеркивалось, что это был самостоятельный выбор данной группы, а не уступка иностранным

рекомендациям и образцам. Подразумевалось (или прямо говорилось), что демократия эпохи первого российского Президента строилась на уступках таким западным рекомендациям. Вообще, «суверенная демократия» противопоставлялась порядкам эпохи Ельцина. Это противопоставление поначалу звучало чересчур обобщенно и, скорее, было частью пропагандистской установки. Но постепенно в нем угадывалось все больше смыслов. При Ельцине, скажем, выборы в Государственную Думу все три раза заканчивались победой оппозиционных – тогда – сил: ЛДПР и КП РФ. Государство в ту пору не контролировало все крупные телеканалы. Различий в этих двух политических режимах, действительно, обнаруживалось все больше.

С теоретической точки зрения, конструкция «суверенная демократия» выглядела ущербно, поскольку явно соединяла понятия из разных сфер, разных понятийных рядов. Но она, возможно, вполне годилась для того, чтобы какое-то время играть важную пропагандистскую роль. Отрицание эпохи Ельцина было политически выгодно, а точный смысл названного словосочетания не был всегда ясен и его приверженцам. Они могли его широко интерпретировать. Скажем, бывший главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков в 2005 году видел и толковал «философию Путина» по своему (вероятно, в некоторой степени, выдавая желаемое за действительное):

«...Свою политическую философию Владимир Путин сформулировал на шестом году президентства. Произошло ли это случайно, под влиянием ли накопленного опыта и соответствующих раздумий, или так было задумано еще при приходе к власти, не столь важно. Важно, что эта философия оглашена в 2005 году. Важно, что теперь она имеется... Генеральная метафизическая основа политической философии Путина следующая: Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией. Демократическая традиция есть не нечто привнесенное в Россию откуда-либо, а естественным путем и в определенный исторический момент возникшая в ней самой ценность, равно значимая в российском общественном сознании еще двум ценностям – свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости...»¹.

Эти рассуждения довольно забавно выглядели уже лет через пять. Правда, тот же Третьяков делал при этом некоторые, не очень внятные оговорки: «...Механическое следование внешне демократическим процедурам, с одной стороны, позволит не народу, а лишь бюрократии укрепить свои позиции в государстве и обществе, а с другой стороны – опять хаотизи-

¹ *О политической философии Владимира Путина*, Виталий Третьяков (главный редактор журнала «Политический класс»), „Российская газета“, 28.04.2005.

рует недостаточно сбалансированную общественную жизнь и спровоцирует бюрократию как хранительницу государства на государственный переворот, ликвидирующий достигнутый уровень свободы»².

Думается, что ключевые слова здесь (объясняющие опасность следования «внешне демократическим процедурам», демократии) – «хаотизирует недостаточно сбалансированную общественную жизнь».

В реальности, это выглядело как оправдание конкретных мер президентской Администрации. Прежде всего, речь шла об установлении контроля за политическим контентом крупнейших телеканалов – о чем говорилось выше. Кроме того, к тому времени, были уже внесены изменения в законодательство о выборах, выгодные партии власти. Были отменены губернаторские выборы. В результате была, фактически, свернута реальная политическая конкуренция, а Первое лицо оказалось вне контроля и критики. Собственно под «хаотизацией», вероятно, и следовало понимать реальную конкуренцию на политическом поле.

Еще через несколько лет для каких-либо иллюзий относительно сохранения «демократических традиций», о которых упоминал Третьяков, уже почти не осталось места. Тем, кто защищал данный политический режим, уже логичней было сводить аргументацию к тому, что он создает благоприятные условия для развития экономики, обеспечивая общественную стабильность. В этом контексте благоприятный климат «нулевых» годов все так же противопоставлялся хаосу «девяностых». Борьбой же с злоупотреблениями власти, коррупцией, произволом, согласно этой точке зрения, Президент занимался эффективней любых оппозиций. Суть данной аргументации заключалась в том, что именно авторитарное государство (его адепты предпочитали именовать его «консолидированным») весьма удобно для экономической модернизации. «Есть... концепция, ...которая считает консолидированное государство инструментом переходного периода, инструментом модернизации. Некоторые называют это авторитарной модернизацией. ...Президент больше любой оппозиции делает для борьбы с коррупцией, отсталостью, для развития политической системы. ... Систему надо адаптировать к меняющемуся, усложняющемуся обществу. Но это не значит, что мы должны от системы отказываться. Её надо сохранять. И не впускать то, что может её разрушить... Девяностые годы показали: само по себе расщепление общества не рождает позитивную энергию. Да, некоторую энергию высвобождает, но на что она расходуется, и куда это приводит?»³.

² Там же.

³ В. Сурков, Ведомости, 15.02.2010,26 (2544) <http://www.vedomosti.ru/newspaper/artiele/2010/02/15/225543>).

Возможно, ссылка на опасное «расщепление общества» подразумевала трагический опыт 1993 г. Он, действительно, показал, что российские политики пока плохо умеют договариваться друг с другом и идти на компромисс. Но данный опыт, на наш взгляд, лишь требовал развивать культуру политического диалога. Но требовал ли он создания новой монополии на власть?

О советской идеологической парадигме и ее возрождении

Говоря о явных признаках возвращения к некоторым элементам советского опыта – о выстраивании монополии на власть, о создании системы государственной пропаганды в СМИ и об установлении жесткого контроля над политическим контентом СМИ и т.д. – нужно все же видеть и качественную новизну ситуации. В том числе, и в идеологическом оформлении режима.

Советский опыт был, так или иначе, связан с политическим наследием сталинизма, с его идеологией. Как бы мы могли тут кратко определить – неизбежно упрощая – ее главную парадигму? Как тесное соединение двух установок (ставших за 70 лет традициями): установку на неуклонное подавление и искоренение политического инакомыслия и установку на постоянное противостояние внешнему врагу – в общем, миру демократических (и не только демократических) государств – «капиталистическому окружению» или «капиталистическому лагерю» на пропагандистском жаргоне тех лет. Парадигма эта в полной мере сформировалась к середине XX века – к 50-м–60-м годам. Некоторые ее элементы можно было немного смягчать (отказываясь, скажем, от проклятий в адрес европейской социал-демократии и допуская «мирное существование» государств с различными социально-экономическими системами), но сущность ее оставалась неизменной и общеобязательной на протяжении нескольких десятилетий. Впрочем, к 90-м годам XX столетия, все эти и другие элементы данной парадигмы выглядели явно архаичными. И ее преодоление казалось совершенно естественным и закономерным.

Но спустя всего пару десятилетий специалисты по рекламе и политтехнологи, ставшие идеологами российского политического режима в начале XXI века, обратились к пропагандистским установкам прежнего режима с новым вниманием. И усмотрели в них, судя по всему, немало полезных моментов. Они вовсе не хотели быть обвиненными в приверженности сталинизму. О, они, в сущности, и не были сталинистами. Они скорее были карьеристами, не слишком отягощенными принципами. Они хорошо понимали (или угадывали) то, что некоторые из прежних идеологических установок

точно нуждались в коррекции. Речь (пока) не должна была идти о физическом устранении политических противников. Суть политической задачи, поставленной Первым лицом была в другом: нейтрализовать оппонентов, не прибегая к репрессиям и не давая повода для упреков в искоренении инакомыслия. Тут, кстати, можно вспомнить и об участии первых лиц государства (воспользуемся тут множественным числом) в мероприятиях, посвященных увековечению памяти жертв репрессий 1930-х–1950-х годов: например, на полигоне в Бутово в Подмоскowie и в Катыни под Смоленском.

Да, создатели нового режима вроде бы не были приверженцами методов 30-х–50-х годов, и, скорее, просто защищали порядок, при котором им было комфортно. Но их усилия, их постоянное стремление нарастить власть главы государства вызывали энтузиазм у многих приверженцев указанных методов. Это постоянное наращивание власти постепенно вело к черте, за которой создаваемый порядок уже менял свою сущность – полностью утрачивая демократический характер. По мере того как это происходило, его защитники оказывались перед необходимостью как-то обосновывать сам по себе принцип авторитарности – поскольку авторитарные черты проступали все более явственно.

И тут советская (точнее, сталинистская) идеологическая парадигма неожиданно снова стала обретать актуальность.

Напомним тут аргументы одного из наиболее высокопоставленных сторонников «нового авторитаризма», председателя Конституционного Суда Валерия Зорькина. Сущность этой аргументации 2010 года, судя по всему, сводилась к тому, что режим спасает страну от опасных радикальных движений: «... Я с изумлением обнаружил, что даже у профессиональных юристов слово «авторитаризм» вызывает жуткую неприязнь. Конечно, если в чистом виде авторитаризм, автократия в традиционном понимании – так недалеко и до Пота. Но «авторитарное» (*autoritaire*) есть, ли это элемент государства и права? На мой взгляд, безусловно, потому что элементы социального общежития – это власть, свобода, закон и общая цель. Юридической общей целью является установление принципа юридического равенства, а наполняется оно через общие блага. Если бы Шарль де Голль не поступал авторитарно, в пределах, конечно, Конституции и права, то на смену ему пришла бы диктатура фашистских полковников, переворот бы был. Я понимаю, что историю переделать нельзя, сослагательное наклонение, говорят, к истории неприменимо, но не могу отделаться от мысли о том, что, если бы Гинденбург в своих генеральских погонах не просто на приёмах красовался, то есть, если бы содержание соответствовало форме, если бы он и его окружение воспользовались авторитарными методами, как сделал это де Голль, Гитлер не пришел бы к власти. Конечно, что бы гово-

рили поклонники чисто либеральной идеи свободы в её рафинированности и абстракции?»⁴.

Напомним, что это рассуждения председателя Конституционного Суда. Нужно ли было понимать данное размышление так, что режим, установленный вторым российский Президентом, спасал страну от новых Гитлеров? Это звучало не слишком убедительно.

Да, националистические и революционаристские группировки в начале XXI века действовали в России, как и во всех европейских странах. Это факт, но они существовали и, судя по всему, будут существовать у нас всегда. Но влияние их в России в этот период было в реальности совсем невелико. И само по себе успешное экономическое развитие не позволяло им расширить социальную базу. В то же время, экономическая стагнация и самоизоляция государства на международной арене, активная пропаганда тезиса о том, что Россия остается в кольце врагов, как раз и создавали для радикалов благоприятный социально-психологический климат.

Так или иначе, когда адепты политического режима, ставшего, фактически, режимом личной власти, ссылались на опасность радикализмов, возник риторический вопрос – что тут вообще, перевешивает: угроза гипотетического захвата власти радикалами или стойкий интерес узкой группы лиц в неограниченной власти и связанных с ней скромных благах?

Борцам с революционерами можно было также напомнить одно суждение Бориса Чичерина, сформулированное им в статье «Россия накануне двадцатого столетия»: «Естественное последствие угнетения мысли состоит в том, что она вдаётся в крайние направления. Одна крайность всегда вызывает другую. Чем более мысль стеснена, тем более в ней возбуждается ненависть ко всякому стеснению...»⁵.

Во всяком случае, отдельные элементы оправдания и обоснования самой идеи авторитарности (авторитарной модернизации) стали всерьез обсуждаться еще в период второго президентства Путина и во время президентства Медведева.

В процессе формирования уже вполне реакционного режима в 2012–2016 годах его идейная база продолжала постепенно обновляться. Дело в том, что курс на оформление единоличной бесконтрольной власти должен был достичь некоего неизбежного предела, за которым возникала необходимость уже и его нового конституционного оформления. Ведь за этим пределом

⁴ В. Зорькин, *Философия права: прошлое, настоящее и будущее*, „Сравнительное конституционное обозрение” 2010, № 2 (75), с. 48–49.

⁵ Б.Н. Чичерин, *Россия накануне двадцатого столетия*, [в:] *О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1 половина XX века)*, Прогресс-Традиция, Москва 2000, с. 509.

становилось также очевидно и то, что и сама Конституция 1993 года может в некоторой степени стеснять проводников данного курса. В новой ситуации даже конструкция «суверенной демократии», вероятно, перестала удовлетворять правящую группу и ее лидера.

Раздражение начала вызывать именно статья 13 Конституции, запрещающая установление какой-либо идеологии в качестве государственной или общеобязательной. Сторонники новой идеологизации государства неожиданно обнаружили, что отсутствие идеологии является одной из причин геополитических поражений России в 90-е годы. Нужно отметить, что для некоторых представителей гуманитарной интеллигенции, ассоциирующих себя с официальной «консервативной» позицией, разговоры о выработке новой идеологии, «поиске идентичности» стали в эту пору чем-то вроде интеллектуальной моды. «Литературная газета», тоже ставшая выразителем консервативных (то есть в сущности, верноподданических) настроений, отмечала: «Когда говорят о деидеологизации, речь идет о том, чтобы расчистить поле для своей, для выгодной себе идеологии. Собственно, именно так и происходило в России в процессе и после перестройки. Нашим геополитическим противникам (как и любому противнику) выгодно ослабление нашего народа... Освобожденное от собственной идеологии поле немедленно занимает противник. Сегодня нам необходимо овладеть своей собственной территорией»⁶.

В этих фразах, будто заимствованных из газетных передовиц 70-х годов прошлого века, заключался некий примечательный элемент. А именно – *тезис о наличии крайне враждебного внешнего окружения, которому российское государство должно противостоять.*

В этом, пожалуй, заключается главный тезис «новой» идеологической платформы политического режима в России. Да, параллели с идеологической платформой советского режима напрашивались. Но все же не следовало забывать о разнице.

Если в 70-е годы противник определялся как «мир капитализма» или «мировая капиталистическая система» (конечно, во главе с определенными государствами), то идейными и геополитическими противниками российской власти в XXI веке был провозглашен просто «Запад», «западный мир» – олицетворяемый, правда, теми же странами, что и сорока годами раньше. Если в условиях господства марксистской идеологии в 70-х годах среди идеологических штампов присутствовала «идеологическая борьба» «двух социально-экономических систем» – социализма и капитализма, то спустя

⁶ *Пустое поле идеологии*, „Литературная газета”, № 18 (6461), 7–13.05.2014.

сорок лет эта борьба неожиданно возобновилась и в отсутствии внятной альтернативы капитализму.

Теперь о социальной революции и борьбе капитализма с социализмом, а также об угрозе социализму речь уже не шла: говорилось в основном об угрозе «геополитическим интересам» России.

Приведем в этой связи здесь цитату, которая была взята отнюдь не из боевого партийного листка, а опять же из статьи председателя Конституционного Суда: «Обвиняя российское государство в клановости, международные воры и их интеллектуальная обслуга замалчивают все, что связано с иной клановостью. Они не хотят обсуждать, какие именно клановые интересы породили бомбардировки Югославии и действия в Косово. Специалисты с отвращением констатируют, что там обеспечивались даже не только геополитические, но и гораздо более приземленные интересы. Но об этом обслуга международных воров никогда говорить не будет. Не будет она говорить и о том, чем на самом деле были порождены бомбардировки Ирака... Никогда никто из таких морализирующих циников, находящихся на службе у международных грабителей, не скажет о том, какие именно западные политические кланы сталкиваются при дележе непрозрачных рынков оружия на Ближнем Востоке и в Африке. И к каким катастрофам это приводит... И во имя преодоления этой клановости и насаждения идеи справедливости они затеют сразу на многих интеллектуальных площадках России разговор о новой Конституции, которая по мановению ока, то есть по все тому же принципу табула раса, лишит нас клановости, восстановит у нас идею справедливости. Да и вообще вернет нам идеальное. При этом возвращать это идеальное необходимо только нам. А почему бы не попытаться вернуть его Западу? И навязывать парламентскую республику надо только нам. А почему бы не навязать ее, например, США?»⁷.

Данная длинная цитата из статьи, опубликованной в главной правительственной газете, уместна тут, на мой взгляд, по той причине, что ярко демонстрирует ту идеологию, которой *реально* оказался пронизан верхний слой государственного аппарата – во всяком случае, к третьему президентскому сроку Владимира Путина. Конкретным поводом для этих размышлений послужили высказанные (где-то в прессе) мнения о том, что предусмотренная действующей Конституцией форма правления нуждается в корректировке, и может быть, преобразовании в парламентскую республику. Зорькин, естественно, защищает тут действующую форму правления – это, безусловно, его право. Однако сразу же переходит к внешнеполитическим угрозам.

⁷ В. Зорькин, *Tabula rasa. Ответ тем, кто спешит переписать Конституцию России с чистого листа*, „Российская газета” 07.04.2014.

Что это за тон, что за стилистика? Встречаясь с ними, мы действительно понимаем, что некоторый ренессанс «советского», косного, изоляционистского сознания все же происходит. И это и есть главное условие появления «хорошо забытых старых» незамысловатых идеологических конструкций.

Тут следует разобраться, о чем идет речь

В 1999 году авиация НАТО наносила ракетные удары по территории Сербии, вынуждая сербского президента Милошевича вывести войска из принадлежащего сербам автономного края Косово, большинство жителей которого составляли албанцы. Позже многие страны ЕС признали независимость края. В 2003 году войска США вторглись в Ирак под предлогом того, что иракский диктатор вел работы над созданием оружия массового уничтожения. В обоих случаях действия НАТО и США, фактически, раскололи мир демократических государств. Часть из них признала эти действия неадекватными. Это был серьезный спор о внешнеполитических стратегиях в новых условиях. Часть государств-членов ЕС (оставшаяся в меньшинстве) отказалась признавать независимость Косово. Эти государства сочли, что противоположная позиция (большинства членов ЕС) противоречит сложившейся международной практике отношений с региональными сепаратистскими движениями. Американское вторжение в Ирак привело к многотысячным жертвам среди мирного населения, но не к обнаружению секретных ядерных реакторов. Против этой стратегии выступили многие союзники США, включая Францию и ФРГ. В общем, это были очень спорные решения и, мягко говоря, не лучшие страницы в истории международной практики ЕС, НАТО и США.

Но почему эти эпизоды, отделенные от нас уже несколькими десятилетиями, нужно было связывать с состоянием конституционного строя в России? Причем здесь, вообще, албанцы и иракцы, если речь шла о выстраивании (или разрушении) правового государства в российских условиях? Если государства, представляющие собой устойчивые демократии, в тех или иных ситуациях совершают ошибки или ведут себя не так как хотелось бы лидерам России, это еще никак не свидетельствует о недостатках демократии как таковой.

Так или иначе, очевидно, что автор статьи в «Российской газете» даже не затрагивал сути упреков, адресованных российскому политическому режиму. Главной темой для него оказывались именно угрозы со стороны враждебного окружения, геополитических противников государства. По сути дела, это и была новая идеологическая установка – питающаяся старой идеологи-

ческой парадигмой. Данная установка должна была объяснить и оправдать явно реакционный характер политического режима: ослабление или ликвидация демократических институтов должно было выглядеть неизбежным следствием внешнеполитических угроз. (Хотя, прежде всего, тут вспоминается роман Ильфа и Петрова «12 стульев» – эпизод с речами о пуске первого в городе трамвая: каждый оратор собирался говорить о трамвае, но всякий раз речь оказывалась вся посвящена международному положению и разоблачению империалистов).

О «новом консерватизме»

В условиях формирования и укрепления такого режима, политическая жизнь, как мы теперь знаем, может не подавляться полностью. Но она начинает вращаться вокруг одной персоны – Первого лица. Одним из условий существования такого режима является контроль правящей группы над крупнейшими СМИ – которые делают все, чтобы в медиа-пространстве, доминировал один образ, одно лицо, а также комментарии, отражающие взгляды этого лица. Его возможные конкуренты или оппоненты игнорируются, а если уж упоминание неизбежно, представляются в негативном свете либо высмеиваются.

Партийно-политическая жизнь в Российской Федерации, развивавшаяся вполне свободно с начала 90-х годов, всегда была весьма зависима от вещательной политики крупнейших государственных телеканалов. С 1993 года данную монополию пытался разрушить (и безуспешно) телеканал НТВ. Но в 2000 году он, фактически, стал одним из государственных телеканалов, вещательная политика которых контролировалась президентской администрацией. Эти телеканалы как раз с начала 2000-х годов сконцентрировались на усилении и поддержании образа Президента Владимира Путина. Глава государства стал появляться в каждом новостном выпуске каждого государственного телеканала по нескольку раз в день. Критика в его адрес в телеэфире была исключена: в отношении фигуры Первого лица стал возможен лишь позитивный (позитивно-восхищенный) либо нейтральный тон. Партийная деятельность особенно не ограничивалась, но политические партии и их лидеры почти исчезли с информационного поля. Достававшихся им порций эфирного времени хватало разве что на реплики. В период выборных кампаний межпартийная полемика (не задевающая Первое лицо) просачивалась в эфир в несколько больших объемах; это позволяло убедиться в полном информационном доминировании группы (партии), обслуживающей Первое лицо.

При этом и в процессе формирования правительства и при назначении региональных администраций роль собственно политических партий была ничтожной – вполне соответствующей духу режима, но также и форме правления, установленной Конституцией. С учетом этого, вытеснение партийных тем из информационного пространства у широкого зрителя не вызывало особого сожаления либо интереса.

С 2004 по 2012 год процесс создания и деятельности политических партий был затруднен рядом законодательных барьеров. Новые партии несколько лет не создавались, а их общее количество уменьшилось до 7, из которых более или менее реальную политическую жизнь вели лишь три – КП РФ, ЛДПР и «Яблоко». Созданные президентской Администрацией «Единая Россия» и «Справедливая Россия» (для которых всегда находилось место в информационном пространстве) оставались полностью зависимыми от единого центра принятия решений в Кремле. Законодательство о выборах в эти годы тоже менялось в целях лучшей управляемости избирательным процессом и в пользу облегчения деятельности структур «Единой России». В частности, были исключены нормы, допускавшие деятельность избирательных блоков.

Но в апреле 2012 г. некоторые ограничения на создание и деятельность партий были отменены или ослаблены – в ответ на массовые акции протеста. В течении последующих нескольких лет было оформлено создание нескольких десятков новых образований, не получивших никакого влияния. К этому времени более или менее прочным положением могли похвалиться лишь две партии, формально не связанные с партией власти: КП РФ и ЛДПР. Они могли считаться старожилами политической сцены: старожилами, не влияющими ни на что, но весьма ценящими свой статус легальных образований, представленных, пусть и символически, почти во всех законодательных органах. Важнейшее условие неформальной сделки с властью – объектом их критики не могло быть Первое лицо – они выполняли. Подобными декоративными – по сути своей – партийными системами мог похвалиться почти любой авторитарный режим второй половины XX века.

В общем и целом, политический спектр России, сформировавшийся за два минувших десятилетия, в полной мере отразил главные тенденции развития политической жизни: *формирование всей политики вокруг одной персоны, доминирование последней в информационном поле, а также приращение политических партий как института.*

В этой связи уместно специально поговорить о формировании и усилении консервативного сегмента спектра, а также о его содержании. В первые годы после распада СССР консервативному мировосприятию, охранительному по своей сущности, не так-то просто было выбрать себе объект идеологической

защиты. Консерваторами чаще всего именовали твёрдых сторонников прежнего режима, верных ленинцев (сталинцев), ностальгирующих по жизни при советском режиме. Для консерватизма традиционного, консерватизма в европейском смысле слова, защищающего веру в Бога и частную собственность, в этом постсоветском мире почти не оставалось места.

Но после двух десятилетий выстраивания и укрепления государства, созданного на основе РСФСР, ситуация изменилась. Экономический рост, обусловленный, прежде всего, ростом цен на нефть, позволил укрепить и расширить бюрократический слой. Этот же фактор дал возможность стабилизировать положение ещё более крупных социальных групп, зависимых от бюджета. В то же время, внутри широкого бюрократического слоя вполне оформилась жёсткая иерархия. На её вершине закономерно оказались бессменный лидер государства (Первое лицо) со своим ближайшим окружением (правлящей группой), а также руководители силовых структур и спецслужб. Фактически, важное место на вершине пирамиды заняли и иерархи Русской православной церкви (РПЦ), формально отделённой от государства. Стала вполне очевидной взаимная поддержка правящей группы и руководства РПЦ. С консервативной точки зрения такой альянс стал хорошей формой единения государства и церкви – ценностью и объектом защиты. Этот альянс мог позволить себе выбирать политических союзников и бизнес-партнёров из числа особо приближённых, избранных предпринимателей. За первые два срока президентства В.Путина круг таких избранных вполне определился. О возникшей корпорации «власть–церковь–избранный бизнес» стали писать либеральные газеты, сохранившие определённую независимость. Они усматривали корыстный групповой интерес в деятельности данной корпорации, критиковали ее и закономерно становились для неё врагами.

Таким образом, у тех, кто хотел обозначать свои взгляды как консервативные и, в то же время, поддерживать действующую власть, появилась понятная система координат: стало ясно – что защитить и от кого. В то же время выяснилось, что в идейном плане им было трудно предложить что-то оригинальное, явно отделяющее их от идеологической платформы либералов и социалистов. Ведь саму по себе установку на сохранение status quo и всестороннюю поддержку лидера трудно было считать самодостаточной идеей. А уважением к религии и доминирующей конфессии было трудно выделиться: все это можно было найти в программах, практически, всех российских политических движений. Скажем, в «Манифесте Просвещенного Консерватизма» (одним из авторов которого стал, как известно, режиссер Никита Михалков) мы, безусловно, находим определенный пафос, но не так уж много собственно консервативной сущности: «Эйфория либеральной демократии закончилась! Пришла пора – делать дело! Первое, что нам

необходимо, – это установление и поддержание законности и правопорядка в стране. Второе – обеспечение культурной и национальной безопасности. Третье – рост «благополучия для всех». Четвертое – восстановление чувства гордости и ответственности за свою страну. Пятое – гарантирование социальной справедливости и социальной защиты граждан, а также отстаивание прав и свобод наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье»⁸.

В этом наборе лозунгов к консервативным мы, наверно, могли бы отнести требования об «обеспечении национальной безопасности», а также об «отстаивании прав и свобод наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье». И в этой связи хотелось бы обратить внимание на серьезные отличия данного «консерватизма» от того идейного течения, которое возникло на рубеже XVIII-XIX веков в Великобритании, Франции, США и, собственно, получило наименование «консерватизм». Об этих отличиях следует поговорить специально.

Одна из важных черт консерватизма – акцент на том, что права личности неразрывно связаны с ее обязанностями. Консервативные политики поддерживают ценность порядка – то есть строгого соблюдения законов, подчеркивая при этом важную роль полиции и армии. Консерваторы, действительно, никогда не жалели денег на силовые структуры. Но порядок в государстве всегда был для них лишь условием реализации свобод! По сравнению с либералами, европейские и американские консерваторы не меньшие (а то и большие) ревнители свободы личности. В частности, свободы слова, свободы совести, права частной собственности. Из этого вытекает их крайне негативное отношение к возможной при демократии «тирании большинства», прикрывающей обычно чью-то единоличную власть. И в Германии, и в США, и в Австралии консерваторы в не меньшей, чем либералы степени опасаются чрезмерного сосредоточения власти в одних руках и проистекающего от этого произвола. В частности, консерватизм, берущий начало от Эдмунда Берка и Алексиса де Токвиля крайне настроено и болезненно относится к любым ограничениям свободы слова.

Напротив, те, кто сегодня, вроде бы, воплощают российский вариант консерватизма, готовы всячески защищать единоличный характер власти. Их взгляды и поведения лучше всего обозначаются старинным русским словом «верноподданничество». Объектом защиты такого «консерватизма» стала и сама по себе монополия на власть – и конкретного Первого лица и приближенной к нему группы лиц (а равно обслуживающих их – по клиентель-

⁸ <http://polit.ru/article/2010/10/26/manifest>.

ному принципу – групп). В законодательных собраниях различного уровня «Единая Россия» к 2016 году контролировала от 60 до 98% мест. Однако фактически это был контроль не партии, а бюрократического аппарата – деидеологизированного, но готового декларировать и исполнять любую программу, провозглашённую Первым лицом и его правящей группой.

Свобода слова, как и прочие свободы, могли быть терпимы этими «консерваторами» лишь в той мере, в какой они не создавали угрозы (либо просто дискомфорта) для неограниченной власти Первого лица. Не случайно, в приведенном Манифесте мы не находим ни малейшего интереса к теме прав и свобод. История ограничений вещания негосударственных телеканалов, жесткий контроль над государственными СМИ, попытки давления на блогосферу – самые очевидные свидетельства данного подхода.

Что касается принципа защиты частной собственности, то и к нему российская правящая группа (реализующая «консервативную» стратегию) всегда относилась весьма избирательно. Предприниматели, выказавшие политическую неблагонадежность (начиная с миллиардеров, вроде Ходорковского, Гучериева и других, и заканчивая владельцами деревенских магазинов), не могли рассчитывать на защиту их прав судами. И хотя индивидуальные бизнес-истории могли складываться по-разному, но, в общем, бизнесмены в последнее десятилетие ощущали свою уязвимость перед силовыми структурами. В условиях ослабления и зависимости судебной системы представители силовых ведомств могли действовать вполне произвольно – с учетом собственных экономических интересов.

Еще одна черта консервативного образа мышления – обращение к этническим и религиозным корням нации. Однако западный современный политический спектр подразумевает серьезную разницу между консерватизмом, крайне осторожно подходящим к аргументам из данной сферы, и радикальным национализмом, использующим их для разжигания недоверия и ненависти между различными национальными общинами.

Российский же официальный вариант «консерватизма», фактически, оказался весьма близок именно к крайним вариантам национализма с присущими ему фобиями в отношении конкретных «враждебных» наций или государств. На ноябрь 2016 г. таковыми официальная пропаганда числила, в частности, США и Украину. Но в этой роли успели побывать уже Грузия и Турция. При этом значительная часть населения (социологические опросы не злоупотребляют публикацией материалов на эту тему, и, возможно, правильно) реально выражают ксенофобские чувства по отношению к выходцам с Кавказа и из Средней Азии. Эти чувства легко использовать, и некоторые российские политики пытались это делать. Наверно, в этой связи Дмитрий

Рогозин как-то заявил: «Альянс Кремля с европейскими правыми шатает брюссельский табурет»⁹. Фактически, это означало идейное сближение российской правящей группы с европейскими радикально-националистическими течениями. Все современные консерваторы и умеренно правые при всем своем уважении к традиционным религиям крайне негативно воспринимают агрессивный национализм и, тем более, любые агрессии под националистическими лозунгами. Закономерно поэтому, что действия российской власти по отношению к Украине вызвали критику, фактически, у всех авторитетных консервативных партий в Европе. Сочувствующих можно найти (не без труда) лишь в лагере ультра-националистов.

Таким образом, и в Европе, и в Америке давно уже принято отделять консерваторов от правых радикалов. Рогозин имел в виду в качестве союзников именно последних? Судя по всему, да.

Таким образом, если мы сравниваем консервативную политическую идеологию, зародившуюся в Западной Европе в конце XVIII века и прошедшую длинный общий путь вместе с идеей либеральной демократии, с тем, что стали называть «консерватизмом» в годы правления Владимира Путина, мы видим два очень разных явления. Первое послужило одной из основ демократических режимов в целом ряде стран. Второе призвано было просто оправдать и оформить режим личной власти – в качестве наиболее удобного инструмента.

Совершенно реальная и вполне характерная черта официального российского консерватизма – его неприятие реального либерализма и либеральных взглядов – еще конкретнее, идей политической демократии, политического плюрализма и конкуренции. Несмотря на то, что все публикуемые опросы показывают низкую популярность либеральных партий и лидеров (что можно рассматривать, по крайней мере, отчасти как «большое достижение» государственных СМИ), в официальной пропаганде критика либерализма продолжает занимать важное и постоянное место.

И для этого остаются серьезные причины. Ведь именно демократические (либеральные) партии все последние годы всерьез критиковали правящую группу за фактическую измену Конституции – за установление режима личной власти, за подчинение судов на всех уровнях администрациям, за фактический демонтаж демократических институтов и т.д. Либералы реально могли рассчитывать на тот сегмент электората (образованных горожан), который правящая группа хотела бы считать своим. И массовые протесты 2011–2012 гг. показали, что популярность идей демократии, свободы слова и других свобод достаточно высока.

⁹ <http://nswap.livejournal.com/18966071.html>.

Кроме того, либеральные партии и их лидеры не избегали также прицельной критики в адрес Первого лица. В силу этих и некоторых иных факторов либеральная оппозиция оказалась в глазах власти главным врагом.

Нужно сказать, что партии и группы, использующие в своих программах слова «социализм» и «социалистический путь», вызывали и вызывают у правящей группы куда меньше опасений, чем либеральные. Тут важно отметить, что эти партии все последние двадцать лет с большим или меньшим пылом апеллировали к опыту советского режима. Из этого опыта они весьма охотно черпали надлежащие образцы. В отличие от партий социалистов-мечтателей рубежа XIX–XX веков, Коммунистическая партия и некоторые другие коммунистические группировки в России рубежа XX–XXI веков *были по преимуществу партиями ностальгирующими*.

В конце концов, выяснилось, что для российской правящей группы вполне удобна оказалась и нынешняя идеология КП РФ: смесь из восхвалений Сталина, утверждения принципов «общинности, коллективизма и патриотизма», требований национализации в экономике, призывов к борьбе с глобализмом и... ссылок на Всеобщую декларацию прав человека. Объективно КП РФ оказалась для правящей группы не только удобным спарринг-партнером, но и союзником, помогающим декоративно оформить фактическую монополию на власть.

Эта же идеологическая смесь оказалось весьма близка определенной части правящей номенклатуры, относящейся к старшему поколению (то есть поколению второго Президента) – людям, начинавшим партийные карьеры в 80-е годы XX века. Поэтому в современной пропагандистской литературе партии власти (особенно провинциальной) можно найти установки, фактически возвращающие нас в самое начало 90-х, защищающие «доперестроечный» застой от любых реформ, чуждых влияний и посягательств главного геополитического врага. Вот, например, фрагмент из предвыборного программного манифеста (2016 г.) губернатора Самарской области, шедшего под первым номером в предвыборном списке партии «Единая Россия»: «Насаждение либеральных и так называемых «демократических» ценностей, «плюрализма мнений» критика государственных устоев и веками складывающихся ценностей – это часть, пожалуй, самой чудовищной, незаметной и ползучей агрессии. Ведь битву за СССР мы проиграли не танками и оружием, а деструктивными ценностями, которые нам насадили, западным образом жизни... Насаждаемые с Запада разрушительные ценности – культ денег, волчьи законы рынка – у нас активно проповедовались на всех уровнях... Сегодня США и их союзники выполняют план директора ЦРУ, идеолога «холодной» войны Аллена Даллеса,

который еще в 1947 года провозгласил крестовый поход против нашей страны...»¹⁰.

Это уже и не консерватизм вовсе, но ностальгия по ушедшему в прошлое тоталитарному режиму. Это его фразеология и его фобии. И ностальгическое чувство исходит тут от представителей номенклатурного слоя ушедшего режима. Пока это еще не центральный сюжет в федеральной программе «Единой России». Но дело к тому идет. И, эта фразеология, эти фобии, как и следовало ожидать, весьма органично обрамляют и обосновывают авторитарный характер нынешнего российского режима.

Для русской политической традиции это не такая уж новость, если вспомнить выводы Б.Н.Чичерина, сделанные им около 110 лет назад: «Все журналы со сколько-нибудь либеральным направлением висели на волоске, а холопствующей ватаге поклонников реакции давался полный простор. Они могли на своём раболепном жаргоне прославлять правительство на все лады, восхвалять все его самые вопиющие меры, видеть в нём спасителя отечества. Более или менее значительной свободой пользовались и социалисты. Либерализм казался правительству опасным, но социализм, пока он являлся в теоретической форме, представлялся безвредным... Среднее, умеренно либеральное направление оставалось в накладе. В журналистике оно не имело органа, а книги, кроме самых задорных, у нас давно перестали читать».

Обращаясь тут к классикам русской политической мысли, которые разбирали тему политического и идейного спектра, мы, конечно, сознаем, что любые исторические аналогии условны. Российское общество за минувшее столетие радикально изменило свою структуру и вообще изменилось. И всё же в данном случае нам хотелось бы подчеркнуть именно преемственность и политических проблем, и политических ролей в процессе создания конституционного государства. Его не удалось выстроить сто лет назад – процесс был насильственно прерван. Но задачи, поставленные и не решённые одной эпохой, переходят по наследству к другой, пусть и через три поколения. Воспроизведение спустя 100 лет старой структуры политического спектра и старого конфликта может рассматриваться как дополнительное напоминание о том, что задача всё ещё не решена. Но для её решения русское образованное общество созрело уже столетие назад. Неужели оно не созрело сегодня?

Тот политический «консерватизм», который стал фактически идеологической платформой российской власти, призван, прежде всего, оправдать

¹⁰ *Слушать, Слышать и Поддерживать друг друга. Команда Губернатора, «Медиа-Ресурс»*, Самара, 2016, заказчик: Самарское региональное отделение политической партии «Единая Россия», с. 1, 10, 12.

чиновничий, бюрократический, политический и прочий произвол. Именно в этом его сущность. В то же время, политическая демократия не являясь, разумеется, чудодейственным средством, от всех социальных болезней, постепенно создаёт условия для их искоренения – прежде всего, уменьшая пространство для произвола.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме формирования в течении последнего десятилетия идеологической базы для законодательной и административной практики, суть которой автор характеризует как «контрреформу». Рассматривается проблема использования идеологической парадигмы советских времен для формирования идейного течения, ассоциируемого с так называемым «новым российским консерватизмом». В статье рассматриваются отличия этого идеологического «коктейля» от консерватизма, уходящего корнями в историю Европы, от консерватизма Берка и Токвиля. Исследуется различные стадии формирования данной идейной базы. Рассматриваются, в частности, использовавшаяся определенное время идеологическая конструкция «суверенная демократия», а также предложения отказаться от запрета на государственную идеологию, предусмотренного Конституцией.

Ilya G. Shablinsky

ON THE IDEOLOGICAL JUSTIFICATION OF COUNTER-REFORM IN RUSSIA

The article is devoted to the problem of the creation of a ideological base of the ruling Russian group. The author considers the activity of this group as ‘counter-reform’. The main idea of this course – so-called new conservatism. The article explains its essence, compares it with the classical European and American conservatism. One of the conclusions of the research: this essence is the sort of nationalism, which was adopted for the maintenance concrete personal regime.

KEY WORDS: *conservatism, ideological base, ruling Russian group, European and American conservatism*

Библиография

- В. Зорькин, *Tabula rasa. Ответ тем, кто спешит переписать Конституцию России с чистого листа*, „Российская газета” 07.04.2014.
- В. Зорькин, *Философия права: прошлое, настоящее и будущее*, „Сравнительное конституционное обозрение” 2010, № 2 (75).
- Б.Н. Чичерин, *Россия накануне двадцатого столетия*, [в:] *О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1 половина XX века)*, Прогресс-Традиция, Москва 2000.